

**Тюркские согласные *z, *š, *p в свете алтаистики:
новые интерпретации**

Опубликовано в кн.: Алтайские языки и восточная филология. Памяти Э.Р.Тенишева. М., «Восточная литература», 2005.С. 96-106.

Общетюркские согласные *z, *š, сохранившиеся в большом числе тюркских языков без изменения из того древнего состояния тюркских языков, какое известно нам по наиболее древним письменным памятникам (древнетюркские рунические надписи), а также согласный *p (обычно восстанавливаемый как звонкий интердентальный спирант δ), который дал ряд рефлексов $j \sim z \sim \square \sim d \sim t \sim r$ в отдельных древних и современных языках, без сомнения, могут быть отнесены к вечным проблемам сравнительно-исторической тюркологии.¹ Это и понятно: во всем многообразии тюркских языков не так уж много общетюркских фонем, которые имели бы разнообразные и неоднозначные отражения по отдельным языкам. Немало работ посвящено тюркским согласным *z, *š, *p и в алтаистике. Тем не менее большинство проблем, связанных с реконструкцией архетипов этих согласных в тюркологии и алтаистике относятся к спорным или вовсе нерешенным.

В принципе указанные согласные прафонемы образуют два круга проблем: 1) Реконструкция тюркских архетипов и корректная фонологическая интерпретация межтюркских соответствий этих согласных на собственно тюркском языковом материале; 2) Реконструкция общеалтайских (или как минимум прототюркских) архетипов и корректная интерпретация рефлексов этих согласных в иных группах алтайских языков (как минимум в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, поскольку историческая фонетика корейского и японского языков в алтаистике разработана еще недостаточно). Под корректной интерпретацией мы понимаем здесь такое объяснение исходного архетипа согласного и его позднейших рефлексов, которое бы вписывалось в понятийный аппарат классической диахронической фонологии и не основывалось бы на чем-то вроде "изменений от простого к сложному" или квазиуниверсальных тенденциях к "ослаблению" или "усилению" артикуляции: подобные объяснения не относятся к доказуемым и в наши дни не могут рассматриваться всерьез.

Основная причина внимания к рефлексам согласных *z, *š, *p в тюркских языках и вообще в алтайских языках - это необычные соответствия этих тюркских согласных в чувашском языке, где согласному z и рефлексам согласного *p большинства тюркских языков соответствует в большинстве случаев согласный r, а согласному š - согласный l. Согласно постулатам классической алтаистики, рефлексы согласных *z и *š, сходные с чувашскими, характерны и для монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Эти явления, которые получили наименования "ротацизма" и "ламбдаизма", имеют в истории науки несколько разных объяснений 1) первичные общеалтайские согласные *r и *l изменились в большинстве тюркских языков (кроме чувашского языка и его болгарского предка) соответственно в z и š; 2) В общетюркском (и общеалтайском) праязыке имелись особые согласные *r₂ и *l₂, изменившиеся в z и š в большинстве тюркских языков, и совпавшие с плавными r и l в других группах алтайских языков; 3) При непризнании родства алтайских языков тюрко-монгольские параллели с монгольскими согласными r и l на месте тюркских z и š трактуются как заимствования из языка чувашского типа или древнечувашского языка; 4) Б.А.Серебренников имел по данной проблеме особое мнение и высказывал предположение о различном направлении изменений согласных: по его мнению, в тюркских языках имел место переход общетюркского спиранта *z > r, но история соответствия l > š объяснялась им вне системной соотнесенности с парой z ~ r, а именно как переход древнего латерального *l' > š,³ при этом латеральный *l' (тот, который алтаисты рассматривают как *l₂ в чувашском языке сохранился.

Несколько сложнее выглядит вопрос о согласном *p. Невозможность признания чувашского соответствия этого согласного (плавного p) - в роли общетюркского или общеалтайского архетипа была очевидной, и чувашские рефлексы для тюркологов были однозначно вторичными. Соответствия тюркским словам с рефлексами *p в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках не давали однозначной картины. Обычно соответствием общетюркского звонкого интердентального *p в названных языках признается звонкий смычный d (при этом расщепление рефлексов общеалтайского смычного *d не имеет объяснения). Восстановление общеалтайской триады дентальных согласных *d, *t, *p с тюркскими рефлексами d, t, j ~ p ~ z ~ d ~ t ~ r при допущении конвергенции *d и *p в звонком смычном d для монгольских и тунгусо-маньчжурских языков (это предложил впервые В.М.Иллич-Свитыч)² в принципе реалистично, однако тернарная оппозиция дентальных согласных не полностью коррелирует с триадами губных и заднеязычных

согласных, которые состоят из звонкого, глухого и глухого придыхательного: *b - (**p) - *p', *g - *k - *k'. В принципе корреляционная соотносительность локальных рядов согласных необязательна, однако в алтаистике в данном случае возникает принципиальный спор о реконструкции консонантизма в целом.

Традиционно и в тюркологии, и в алтаистике при сравнении слов с рассматриваемыми согласными линейная фонологическая структура слова а заодно и морфологическая структура некоторых слов либо игнорировалась, либо рассматривалась как неизменная: в парах примеров типа др.-тюрк. buz и чув. п□р 'лед', др.-тюрк. bez и чув. пар 'железа' анлаутный согласный соответствует анлаутному, ауслатный согласный - ауслатному. Так же рассматривались примеры типа др.тюрк. boz 'серый' - п.-мо. bo□□□□gu□□□□: конечные гласные в монгольских языках трактуются алтаистами как отпавшие в тюркских языках, антиалтаисты считают эти гласные в монгольских языках вторичными, прикрывающими нетипичные для монгольских языков закрытые слоги. Последнее утверждение более чем спорно: в монгольских языках не было запрета на употребление ауслатного г, и появляющийся после него гласный в абсолютном исходе слова никак нельзя считать вторичным. (По нашему мнению, наиболее адекватна такая интерпретация конечных гласных, которая предполагает отпадение конечных кратких гласных в тюркских языках и признание части таких гласных самостоятельными морфемами в монгольских языках).

Общая закономерность соотношения монгольских и тюркских языков в указанном аспекте может быть сформулирована так: во всех без исключения сочетаниях согласных, сохраняющихся в монгольских языках без изменения, а также во вторичных сочетаниях согласных (образовавшихся вследствие синкопы гласного) в тюркских языках первый согласный подвергается утрате независимо от его качества. Исходя из этой закономерности, обретающей статус закона диахронической фонологии, описываемые изменения линейной структуры слова в тюркских языках по сравнению с монгольскими языками могут быть представлены в виде следующих формул: 1) для слов с ритмической структурой CVCCV и сочетанием согласных во втором слоге: *(C)V₁C₁C₂V₂(C) > (C)V₁C₂ (гласный второго слога в тюркских языках сохраняется только при его этимологической долготе, представленной в тунгусо-маньчжурских языках); 2) Для слов с ритмической структурой CVCVCV и кратким гласным второго слога: *(C)V₁C₁V₂C₂V₃(C) > (C)V₁C₂. При этом в исходной или вторичной (по причине синкопы гласного) преконсонантной позиции в общетюркском праязыке утрачивался любой согласный независимо от его качества: все сочетания согласных в

тюркских языках являются вторичными по сравнению с общеалтайскими сочетаниями согласных. Оба типа изменений могут быть представлены на монголо-тюркских соответствиях в словах-квазиомонимах: ср. п.-мо. *dyrsyn*, мо. *дүрс(эн)* ‘изображение, вид, форма’ = **du□□□r-su□□□n* = др.-тюрк. *ju□□□:z* ‘лицо, облик’ <**ju□□□-z* < *ru□□□r-su□□□n* (первый тип); и п.-мо. *deresu□□□n* ‘ковыль’, мо. *дэрс(эн)* ‘чий блестящий’ < **dere-su□□□n* = др.-тюрк. *jiz* ‘тростник’ <**ji-z* <**pere-su□□□n* (второй тип).⁴ Исключения из данных закономерностей типа др.-тюрк. *altun*, п.-мо. *altan* ‘золото’, в которых наблюдаются монголо-тюркские соответствия одинаковых стечений согласных, однозначно рассматриваются как межгрупповые заимствования.

Наблюдаемые монголо-тюркские соответствия иллюстрируются следующими примерами: мо. *gulhuri-* ‘течь, струиться’ - тюрк. *qud-, quj-* ‘лить’: мо. *sinzi-* ‘внимательно смотреть, изучать’ - тюрк. *sez-* ‘чувствовать, ощущать’; мо. *elzigen* ‘осел’ - тюрк. *eša□□□k* ‘осел’, эвенк. *чилчун* ‘опухоль’, п.мо. *colcung* - тюрк. *šiš* ‘опухоль’; маньчж. *алчухан* ‘лодыжка’, мо. *alsu* ‘вогнутая сторона кости голени’ - тюрк. *ašuq* ‘лодыжка’ (ср. при этом дублиеты маньчж. *ганчухан* ‘лодыжка’ - алтайск. *кажык* ‘лодыжка’); мо. *bulzara-* ‘разваривать’ - тюрк. *bi□š-* ‘развариваться’, мо. *belcir, bulcarhai* ‘железа’ - тюрк. *bez* ‘железа’; мо. *nabci* ‘лист’ - тюрк. *jaš* ‘зелень’; мо. *balcing* ‘орнамент’ - тюрк. *bezu□□□k* ‘украшение’; мо. *togosun* ‘грязь, пыль’, эвенк. *та:кса* ‘глина’ - тюрк. *toz, tuz* ‘пыль’ и нек. др.

Аналогичные соотношения наблюдаются между тунгусо-маньчжурскими и тюркскими формами: эвенк. *ко□лтир* ‘занавеска’ - др.-тюрк. *ко□šig* ‘занавеска’; эвенк. *хэпкэри-пчу* ‘горький’ - тюрк. *ek-šig* ‘кислый’ (совпадают производные слова!); эвенк. *илча-* ‘плести’ - тат. *ишҮ* ‘вить, свивать’ (ср. др.- тюрк. *i□šin* ‘коса’, *i□šig* ‘веревка’); эвенк. *омчик* ‘топь, трясина, болото’ - чуваш. *ушах* ‘трясина’; маньчж. *хукса* ‘птица ловчая’ - тюрк. *quš* ‘птица’, ‘сокол для охоты’, и мн. др.

Приведем примеры:

1) Исходная интервокальная или преконсонантная позиция:

др.-тюрк. *a:z-* ‘сбиваться с пути’, чуваш. *юс* ‘лишаться, терять, отбиваться’ при т-ма. *о:с-* ‘отступить’, п.-мо. *ихиги* и *ихус-* ‘отступить’;

др.-тюрк. *ku□za□k* ‘локон’ - мо. *guzir*; др.-тюрк. *со□zu□k* ‘распутанный’, чуваш. *сўт*, п.-мо. *cusala-* ‘распрягать, распутывать’;

др.-тюрк. jez ‘желтая медь’, чуваш. й□с - бур. сад ‘латунь’, эвенк. чириктэ ‘медь’ > прототюрк. *jerz ~ *jedz!;

др.-тюрк. kez ‘нагар на дне’, чуваш. хысма ‘пенка, пленка, нагар’ - мо. хусам ‘корка на дне’, дагур. кабис ‘накипь’;

др.-тюрк. kezik ‘ряд, чуваш. хуш□ - п.-мо. egezi ‘очередь, смена’;

тат. тҮз- ‘терпеть’, чуваш. ту□□□□с, мо. тэсэх и маньчж. досо ‘терпеть’;

др.-тюрк. qaz, qadi□z ‘кора дерева’, чув. хуй□р, ороch. казакса ‘кожа калуги (осетра)’; др.-тюрк. bez ‘материя, ткань’ - чув. пир, мо. bo□s, дагур. бури;

др.-тюрк. qaši□- ‘чесать, щекотать’, чуваш. к□□□ ‘чесотка’ - бур. гэжэгы ‘щекотно’;

др.-тюрк. adgir ‘жеребец’, чуваш. ай□р - п.-мо. adzirga, ст.-маньчж. (‘чжурчжэньское письмо) achir;

др.-тюрк. bi□ri□q ‘усы’, чув. м□й□х - эвенк. гургакта, нан. бозакта ‘борода, усы’ (ср. эвенк. гургакта < *гургакта);

др.-тюрк. jaji□n ‘сом’, чуваш. суй□н, ср. удэгейск. зозуго ‘бычок морской’;

др.-тюрк. qidruq ‘хвост’, чуваш. ху□р□, эвенк. ирги, нан. хузу ‘хвост’ < *хуругу.

2) Исходная постконсонантная позиция:

др.-тюрк. a:z ‘горноста́й’, чуваш. юс - эвенк. амсир ‘горноста́й’ (якут амсыыр < эвенк.);

др.-тюрк. ez- ‘сдирать’, чуваш. висте, виселе - п.мо. ebsi- сдирать кожу;

тат. кузак ‘стручок’ чуваш. диал. кусак ‘головка мака’ - бурят. хорхинсог, маньчх. хохо;

;др.-тюрк. qi□z ‘скупой, жадный’, чуваш. хыт□ - бурят. хэбсэг ‘скаредный’;

др.-тюрк. bi□zagu, чуваш. п□ру ‘теленок’. п.мо. biragu, но см. монг. диал. bo:ltorog теленок.

др.-тюрк. toz ‘пыль’, чуваш. тусан - мо. togosun, эвенк. такса;

др.-тюрк. eša□k ‘осел’, чуваш. ашак - п.-мо. elzigen ‘осел’ (ма. эйхэн, очевидно, заимствовано из языка типа якутского, где имелась форма *эхэк, а изменение конечных согласных в -н для тунгусо-маньчжурских языков регулярно);⁵

др.-тюрк. ši□š ‘опухоль’, чуваш. шы□□ - п.-мо. colcung, эвенк. чилчин;

др.-тюрк. koši- ‘закрывать, заслонять’, чуваш. ху□т□ле - эвен. ко□лтир ‘занавеска в юрте’ (мо. хошиг занавеска - явный тюркизм).

др.-тюрк. beşik ‘колыбель’, чуваш. пелче ‘пеленка’ - мо. диал. manti: колыбель;

др.-тюрк. jař ‘зеленый, зелень’, чуваш. яш, еш □ л, п.-мо. nabsi лист.

др.-тюрк. ей- ‘скакать, бежать’, чуваш. васка - эвенк. икса- ‘торопиться’, маньчж. экшэ- ‘спешить’;

др.-тюрк. teř- ‘пробить’, чуваш. ш □ т □ к ‘дыра’ - эвенк. тэпти- ‘пробить’;

др.-тюрк. kiř ‘соболь’, чуваш. каш - бур. гэндэ ‘соболь’;

др.-тюрк. ed ‘вещь, имущество’, чуваш. □ скер, у □ □ □ скер ‘вещь’ - эвенк. абду ‘имущество’, мо. adugun ‘скот’;

др.-тюрк. qadi □ □ □ z ‘кора’, бур. гадар ‘внешний покров’, ороch. казакса ‘кожа калуги (осетра)’;

др.-тюрк. qud- ‘лить’, чуваш. к □ р ‘литься’ - п.-мо. gulduři-, мо. гулдрих ‘течь, струиться’;

3) Позиция сочетания согласных на морфемном стыке, при котором первый согласный принадлежит корню, а второй - суффиксу:

др.-тюрк. kez ‘ходить, бродить’, чуваш. кас ‘без дела бегать по деревне’ - мо. гэшхэхэ ‘ступать’, эвенк. гирка- ‘ходить’ (< *гидка-: т.-ма. “ротацизм” вторичен);

др.-тюрк. adut ‘горсть’, туркм. а:йтым ‘ладонь’, чуваш. ыва □ - бур. адха ‘горсть’, эвенк. ханн”а (<*хадн”а) ‘ладонь’;

др.-тюрк. kidiz ‘кошма, войлок’, чув. ке □ □ е - эвенк. гиркэ- ‘расстелить’ (<*гидкэ);

туркм. гозга ‘трогать, шевелить’, чуваш. х □ й □ хла - эвен. гургэлдэ ‘шевелиться’ (<*гудгэ-лдэ- - с вторичным р перед согласным);

др.-тюрк. ko □ z ‘глаз’ - чуваш. куç - мо. nidun ‘глаз’;

др.-тюрк. tiz ‘колени’, чуваш. ч □ р □ и - мо. тҮрий ‘голенище’, эвенк. тирэксэ (и в мо. и в т.-ма. следы сочетаний согласных и сложной морфологической структуры). венг. terd;

др.-тюрк. bogaz ‘горло’ и чуваш. пыр но ороch. мон”оксо ‘горло’ эвенк. мон”он ‘шея’ < *мон”ор (в тунгусо-маньчэжурских языках все конечные согласные изменились в -н);

др.-тюрк. ko □ □ □ ku □ □ □ z ‘грудь’ и чуваш. какар, мо. ko □ □ □ ku □ □ □ r, эвенк. укэн <хо”ку”р ‘грудь’;

др.-тюрк. ju □ □ □ z ‘лицо’, чуваш. ев □ р (морфологические варианты); п.-мо. du □ □ □ rsu □ □ □ n, но эвенк. дэ:рэ ‘лицо’;

др.-тюрк. bez, чув. пар ‘железа’, но ср. хакас. мирси; мо. belciг и bulcaгhai ‘железа’;

др.-тюрк. sez- ‘чувствовать’, чув. сыс - мо. sinzi- ‘исследовать, изучать’;

др.-тюрк. bi□□□□š- ‘вариться’, чуваш. пи□ - п.-мо. bulca- ‘развариваться’, ма. бузу- ‘вариться’;

4) Позиция, при которой оба соответствующих друг другу согласных представляют разные морфемы:

др.-тюрк. buz ‘лед’ - мо. mo□□□□sun, бур. мульхэн, эвенк. буксэ и букрэ ‘лед’ при наличии в чувашском п^лр ‘лед’ и пас ‘иней, изморозь’.

др.-тюрк. aguz ‘молозиво’ - монг. уураг;

др.-тюрк. tokuz и чув. тахар ‘девять’, но эвен. уйу-нра ‘девять животных’ и уйу-н ‘девять’ при нан. хуйун (<т.-ма. *хухун с редким употреблением *х в инлауте и не совсем обычным, хотя и довольно частым тюркским t- на месте инициального *х);

др.-тюрк. biz, чуваш. эпир ‘мы’, п.-мо. bide, эвенк. мит ‘мы с вами’, ма. мусэ мы и др.тюрк. biz < *bi-de-se, эвенк. мит и чуваш. эпир < *bi-de.

др.-тюрк. ku□□□□z ‘осень’, чуваш. к□р - вполне возможно, что здесь разные формы орудного падежа, оформляющего названия времен года и производные от них наречия, обладающие свойством субстантивации: форма на -г (монгольская) и форма на *zi (тунгусская);

др.-тюрк. qadi□□□□z ‘кора’, бур. гадар ‘внешний покров’, ороч. казакса ‘кожа калуги (осетра)’;

Наблюдаемые закономерности побуждают пересмотреть такие известные в алтаистике и тюркологии фонетические соответствия как “ротацизм” и “ламбдаизм”. При фронтальном просмотре материала тюркские согласные z и š соотносятся не столько с “одиночными” плавными r и l, сколько с сочетаниями согласных “плавный + среднеязычный” в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Здесь возможны две фонологические интерпретации таких соответствий: либо тюркские согласные z и š восходят к сочетаниям данных согласных, либо эти согласные восходят к среднеязычным, а предшествующие им плавные оказались утраченными уже в пратюркском состоянии. Однако при рассмотрении соответствий согласных в интервокальном положении - строго между гласными, где заметно большое число исключений из “ротацизма” и “ламбдаизма”, намного более предпочтительным выглядит утверждение, что тюркские согласные [z] и [š] восходят не к плавным ([r₂] и [l₂] в традиционной алтаистике), а к среднеязычным согласным *ʒ, *ç: *z, *š. Выпадение предшествующих плавных в таких сочетаниях - частный случай более общего явления, а именно - падения преконсонантных согласных, а соответствия [л] ~ [ш] и

[p] ~ [z] на поверку оказываются мнимыми - оказывается, что согласные [r] и [z], [l] и [ʃ], которые ранее рассматривались как корреспондирующие и происходящие один из другого, занимают в словоформе разные линейные позиции и иногда исторически даже принадлежат к разным морфемам!.

По предварительным данным, большая часть исключений из ротацизма и ламбдаизма в чувашском языке, а также аномальные рефлексы согласного *p в якутском языке (ср. атах 'нога' при эвенк. хагдики 'ступня', но хайа 'скала' при эвенк. кадар), приходится на исторически интервокальные позиции и позиции после шумного или носового, но не после плавного согласного - то есть исключения из известных правил приходятся на те слова, которые не имели плавных перед среднеязычными. Видимая корреспонденция согласных z ~ r, ʃ ~ l таким образом, наблюдается в ограниченном числе случаев - во-первых, только на морфемном стыке, и во вторых, только после предшествующего плавного либо при конкуренции разных суффиксальных элементов - z- и -r. ʃ- и l- суффиксов. Часть случаев ротацизма-ламбдаизма составляют производные слова с явно разными суффиксами (ср. выше тюрк. biz и чувашск. п□р 'лед' с разными эвенкийскими параллелями к ним - буксэ и букрэ). Классическими морфологическими вариантами являются и тюрк. beʃ и чуваш. пилек 'пять': ни в одном из тюркских языков нет формы ***beʃu□□□k, а точное соответствие для тюркского beʃ в чувашском языке должно было иметь вид *пил, а не пилек.

Соответствия на уровне линейной структуры слова, наиболее наглядно наблюдающиеся между монгольскими и тюркскими языками, во-первых, позволяют намного увеличить число лексических соответствий между этими языками. Во-вторых, они позволяют впервые в алтаистике ставить вопрос о морфологической обусловленности фонетических изменений - таких, как изменение групп согласных вследствие опрощения морфологической структуры слова и сращения корня с показателями множественности. В-третьих, сделанные наблюдения избавляют от необходимости поисков объяснений тюркского ротацизма-ламбдаизма на уровне донаучной антропофонии.

Наблюдаемое соотношение монгольских и тюркских языков позволяет понять причины столь длительного отсутствия прогресса в изучении сравнительной фонетики алтайских языков. Реконструкция особых "тюрко-монгольских" праформ оказалась по существу бесперспективной, так как монгольские формы, причем именно те формы, которые более близки к формам живых монгольских языков нежели к среднемонгольскому или письменному монгольскому языку, почти во всех случаях соответствуют прототюркским

формам - таким формам, из которых на основании установленных соответствий выводятся пратюркские (общетюркские) формы, извлекаемые из старейших тюркских письменных памятников или восстанавливаемые по материалам живых тюркских языков. Материал тунгусо-маньчжурских языков также по большинству признаков демонстрирует такое языковое состояние, которое в сравнении с общемонгольским состоянием выглядит в значительной степени измененным.

Сформулируем заключительные замечания. Непоследовательность соответствий в рамках “ротацизма” и “ламбдаизма” в ареальном аспекте за пределами тюркской общности составляет принципиально нерешаемую проблему: если формы с шумными в чувашском объясняются традиционно как татарские заимствования, то параллельные формы для ряда корней с плавными типа $q_i \square \square \square z$ - $q_i \square \square \square r q_i \square \square \square n$ становятся необъяснимыми, а разнообразие корреспонденций для z и \check{s} в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках заставляет строить предположения о том, что в этих языках присутствуют заимствования из тюркских языков разных типов или разных эпох. Однако отражение интердентального * r в виде глухой аффрикаты < c > в старых тюркизмах маньчжурского языка (ср. слово “жеребец” в “чжурчжэньском”) по существу хоронит столь любимую антиалтаистами гипотезу о заимствовании монгольскими и тунгусскими языками лексических элементов из языка чувашского типа (в чувашском “ротацизм” охватил в первую очередь рефлексы интердентального * r), и приводит к неразрешимым противоречиям.

В исследовании соответствий тюркским согласным z , \check{s} , r следует различать как минимум три типа морфонологических позиций:

1) Позиции внутри морфемы: а) исходная интервокальная позиция (интервокальная для монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, интервокальная или конечная для тюркских языков); б) исходная постконсонантная позиция (постконсонантная позиция для монгольских и тунгусо-маньчжурских языков), интервокальная и конечная для тюркских языков;

2) Позиции, когда на старом морфемном стыке имеет место сочетание согласных: а) случаи, когда преконсонантный плавный относится к корню, а последующий шумный - к суффиксу: наблюдаемое соответствие $r \sim z$ является следствием противопоставления исходного и производного слов; б) случаи, когда и плавный, и шумный являются самостоятельными морфологическими элементами. Этимологически тождественные друг другу “ z -суффиксы” и “ \check{s} -суффиксы” (тюрк. z , \check{s} , монг. sun , $-dasun$, т.-ма. $-кта$ ($-k+ta$), $кса$ (-

к+са), образуют формы множественности, а “г-суффиксы” и “l-суффиксы” (мо. -г, -l, т.-ма. -лла, -лта (-л+та, -л-са); исходные конечные плавные в тунгусо-маньчжурских языках сохранились только при переразложении морфемных последовательностей: в ауслатной позиции т.-ма. *-р и *-л перешли в -н под действием морфологической аналогии) представляют формы единичности. Некоторые примеры на ротацизм-ламбдаизм представляют собой сложные случаи контракции смежных слогов с переднеязычными (или среднеязычными) шумными и плавными, которые “раскручивали” утрату фонологической оппозиции между этими согласными.

Таким образом, для общеалтайского состояния восстанавливаются исключительно на основе тюркского материала согласные *z, *š - глухие спиранты и *p - звонкий спирант. В монгольских и тунгусо-маньчжурских языках эти согласные совпали со среднеязычными аффрикатами dz и с и переднеязычным звонким d вследствие увеличения числа среднеязычных согласных, а также ограничения на употребление спирантов в постконсонантной позиции. В преконсонантной позиции во многих языках проявилась тенденция к сокращению числа согласных, встречающихся в этой позиции, следствием сего стал переход шумных согласных в р в позиции перед согласным в тунгусо-маньчжурских языках, являющийся полным аналогом чувашскому переходу *p > r и отчасти дагурскому ротацизму. В тюркских языках после фронтального падения преконсонантных согласных, частой синкопы гласного второго слога, отпадения конечных гласных и утраты ауслатных комплексов VC, эти согласные оказались в интервокальной и конечной позициях. Однако различие характера исходных позиций (интервокальная или постконсонантная), а также характер предшествующих согласных в исходных консонантных сочетаниях и наличие/отсутствие морфологической границы внутри консонантного сочетания, в конечном счете и обусловили иллюзорные соответствия г ~ z, l ~ š, которые к тому же имели очень большое число необъяснимых исключений. В чувашеведении обращалось внимание и на то, что согласный l в чувашских словах иногда является эпентетическим.

Предлагаемое нами в данной работе объяснение межтюркских и общеалтайских фонетических соответствий основывается на обусловленности фонетических изменений морфологическими процессами в отдельных ветвях общеалтайского праязыка и в общетюркском праязыке. К таким процессам относится вариантность оформления существительных разными суффиксами единичности и конкуренцией форм единичности и множественности, а также, видимо, вариантность оформления глагольных основ разными

аспектуальными формантами. Итогом примененного подхода к материалу является то, что исключения из тюркского ротацизма-ламбдаизма в чувашском языке, необъяснимые или плохо объяснимые на тюркской почве, не являются исключениями из законов исторической фонетики алтайских языков, и составляют частную разновидность известных законов либо объясняются как различие морфологического суффиксального оформления слова.

В заключение хотелось бы отметить, что сравнительно-историческая алтаистика, которая существует как научная дисциплина направление более 100 лет, на наших глазах не только укрепляет свои позиции, но и, повторяя в логике своего развития судьбу индоевропеистики, вполне может себе позволить существование нескольких различных альтернативных реконструкций. Какая из них более соответствует истине - покажет будущее.

Примечания

¹ Литература по проблеме “ротацизма” и “ламбдаизма” в алтайских языках и в частности в тюркских языках труднообозрима. См.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. ч. 1. Фонетика. М., 1955; Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955; Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970; Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979 (2-е издание: М., 1986); Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984; Ахметьянов Р.Г. К вопросу о природе звуковых переходов в тюркских языках (о переходе $r \sim z$) //ВЯ, 1961, N 6. С. 128-129; Он же. О переходе $ir > iz$ в тюркских языках Поволжья //Исследование языка древнеписьменных памятников. Казань, 1980. С. 107-110; Биишев А.Г. Соответствие r/z в алтайских языках //Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1965. С. 192-205; Серебренников Б.А. Что было первичным: r_2 или z ? //СТ, 1971, N 1. С. 13-19; Хелимский Е.А. Происхождение древнетюркского чередования $r \sim z$ и дилемма “ротацизма-зетацизма” //СТ, 1986, N 2. С.40-50; Raun A. Zum $sch \sim l$ und $z \sim r$ im Turkischen // Zeitschrift fur Phonetik... 1948, Hft 5/6. S.363-364; Pritzak O. Der Rhotazismus und Lambdaismus //UAJb, 1963, Vol.45, Fasc. D. S.337-349; Tekin T. Zetacism and sigmatism in Proto-Turkic // Acta Orientalia, T. 22, 1969, fasc. 1. P. 57-80. За недостатком места и с связи с тем, что предлагаемая нами интерпретация фактов не совпадает с представленными в литературе мнениями, мы не даем детального обзора всех публикаций по проблеме.

² Иллич-Свитыч В.М. Алтайские дентальные t, d, p //ВЯ, 1963, N 6.С. 37-56.

³ Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986. С. 57-58, 67.

4 См.: Бурькин А.А. Соотношение общеалтайской реконструкции и общетюркского состояния в свете соответствий инлаутных консонантных групп.// Чувашский язык и алтаистика. Чебоксары, 1995. С. 14-18; Он же. Роль монгольских языков для алтаистических исследований //История развития монгольских языков. Улан-Удэ, 1999. С.19-42; Он же. Соотношение линейной фонологической структуры слова в алтайских языках// Вопросы востоковедения. Кононовские чтения XII. СПб., изд. СПбГУ, 2000. С.25-30.

5 Бурькин А.А. Айсин эйхэн - altin eshak, или к проблеме тюркского источника нескольких маньчжурских слов //Вопросы востоковедения. Кононовские чтения XII. СПб., изд. СПбГУ, 2000. С.18-25.